

Василий Розанов

Черный огонь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р64

Р64 **Розанов В.**
Черный огонь / Василий Розанов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 116 с.

ISBN 978-5-4241-1687-2

На борту «Энтерпрайза» происходит взрыв. Помощник командира Спок считает, что это диверсия, и, нарушив приказ, угоняет патрульный корабль, чтобы провести свое расследование. Звездный Флот объявляет его предателем, но капитан Кирк не оставляет попыток докопаться до истины... Опальный правитель одной из планет попадает вместе с юной дочерью на «Энтерпрайз». Он мечтает вернуть себе символ королевской власти – корону, которую он, спасаясь бегством от клингонов, спрятал на малоизученной, далекой планете. Смерть прерывает его миссию, и теперь дочь надеется с помощью команды капитана Кирка продолжить дело отца.

ISBN 978-5-4241-1687-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Розанов В В
Черный огонь

В. В. РОЗАНОВ
ЧЕРНЫЙ ОГОНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие - А. Богословский

I. ОТ ПРОВОКАЦИИ АЗЕФА ДО ДЕКЛАРАЦИИ МИЛЮКОВА

Отчего "левые" побеждают центр и "правых"?

Отчего падает христианство

Об исторических "прививках"

Почему Азеф-провокация не был узан революционерами?

Между Азефом и "Вехами"

Из политического прошлого России

Маленький фельетон

Бог и смертные

Политика и ошибки тона

Декларация Милюкова

II. "В НАШИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ..." 1917 ГОД

К Новолетию 1917 года

Поганая власть или добрый совет?

Светлый праздник Русской земли

(1) В Совете Рабочих и Солдатских депутатов

(2) В Совете Рабочих и Солдатских депутатов

В наши тревожные дни

Письмо в редакцию

Физическая сила и власть идей

Социализм в теории и в натуре

Что говорят англичане о русской революции и русском союзе

Заметки о новом правописании

Что такое "буржуазия"?

Не те слова, не те думы

Монархия - старость, республика - юность

Примитивные

К нашей неразберихе

Сегодня утром

Servus servorum dei

Революционная Обломовка

Принцип анархии

Голос правды

К разгрому библиотек

Как начала гноиться наша революция

К положению момента

Запоздалое горе

III. ОТРЫВКИ

1.

2. "Красота спасет мир"

3.

4.

5.

Приложение ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно ли говорить о политических убеждениях писателя, страстно мечтавшего "разрушить политику", погасить "политическое пылание", стремившегося "разрушить мыслью своею, поэзией своею, своим "другим огнем", своим жаром, весь этот кроваво-гнильный этаж" и создать духовное пространство для людей мысли и веры, поэзии и искусства, свободное от диктата партий, программ и газет? И вместе с тем, силою обстоятельств, вынужденного сотрудничать в газетах на протяжении всей жизни.

Розанова большей частью причисляли к консервативному лагерю, но взгляды писателя, творческий диапазон его мысли несомненно шире условно правого или левого политического направления и захватывает все стороны русской жизни, достигает ее пределов.

Знакомство и дружба с Н. Н. Страховым, влияние идей К. Н. Леонтьева привели Розанова в начале литературного пути в стан консерваторов. В те годы, в последнее десятилетие прошедшего века, Розанов ревностно защищал устои самодержавной монархии и казался многим столпом ортодоксального православия. Тем не менее, наиболее яркая статья Розанова "О подразумеваемом смысле нашей монархии", статья, остротой которой направлено против всевластия чиновников, бюрократии, ставшей средоточием между монархом и народной жизнью, была запрещена и вырезана из июльской книжки "Русского Вестника" за 1895 год. К. П. Победоносцев, прочитавший статью, подтвердил в беседе с писателем, что "механизм падения монархий" Розанов объяснил правильно, однако предложил не брать в пример российские дела, а объяснять "механизм падения" на западных государствах. Но Розанов ничего не изменил в статье, и увидела она свет только в 1912 году.

После смерти К. Н. Леонтьева (1891 г.) и Н. Н. Страхова (1896 г.) слабеют личные связи Розанова с консерваторами, связи, так много для него значащие. В среде правых Розанов уже не ощущает дыхания жизни и творческого духа; статьи В. В. о поле и браке еще более отдаляли его от друзей прежних лет.

В 1899 году начинается эпопея сотрудничества Розанова в распространеннейшей и самой популярной газете, в "Новом Времени", продлившаяся до закрытия газеты в 1917 году. А в начале века, когда революционный невроз сотрясал большую Россию, Розанов (под псевдонимом В. Варварин) помещает статьи и в либеральном "Русском Слове".

Дочь писателя, Татьяна Васильевна Розанова, вспоминает:

"Некоторые статьи по политическим причинам не проходили в "Новом Времени". Василию Васильевичу было жаль своей ненапечатанной статьи, и он посылал ее в Москву в "Русское Слово" и другие газеты под разными псевдонимами: "Варварин", "Ибис", "Старожил", "Обыватель" и др. Почему он печатал под псевдонимом? Потому что он по договору с Сувориным не имел права печатать свои статьи в других газетах, так как состоял на жаловании в "Новом Времени" и, кроме оплаты за статьи, получал посточно. Но его интересовала не только денежная сторона, но желание часто выразить свои мысли в более либеральном духе, чего не допускало "Новое Время". Суворин это знал, но смотрел на это сквозь пальцы. Вся же остальная пресса подняла невероятную шумиху вокруг этого дела. Называла отца "Иудушкой", предателем и всячески его поно-

сили. А я считала и считаю, что это было хорошо. Он был шире и правого "Нового Времени", и "Гражданина", а также левой либеральной газеты "Русское Слово" и кадетской "Речи".

На какое-то время стихийный поток революции увлек и Розанов, захватила энергия и сила революционного студенчества и фабричного пролетариата, среди смуты и анархии ищущих пути к преобразованию жизни. На заре деятельности Государственной Думы Розанов надеялся, что "парламентаризм войдет к нам, как чистый гость в чистый дом". (Но в конце жизни 12-летнюю работу Государственной Думы Розанов назвал первопричиной гибели тысячелетней России).

В "Опавших листьях" встречаем характерную запись:

"Как я смотрю на свое "почти революционное" увлечение 190..., нет, 1897-1906 гг.?"

- Оно было право.

Отвратительное человека начинается с самодовольства. И тогда самодовольны были чиновники. Потом стали революционеры. И я возненавидел их". ("Опавшие листья", СПб, 1913, стр. 198).

И все же свои "левые" статьи Розанов собрал в книге "Когда начальство ушло" (СПб, 1910).

Дело Азефа, убийство П. А. Столыпина и главным образом сочувствие широких кругов русского общества террору окончательно оттолкнули Розанова от освободительного движения.

И однако весной 1917 года, в дни крушения империи, какие-то надежды на возрождение России ненадолго вновь ожили в душе писателя.

Но надеждам этим сбыться не было суждено; свобода обманула, обернувшись анархией, хаосом, погромом России.

"Сущность момента - анархия. Сущность задачи - власть. Власть не юридическая, не оружия: власть доверия, уверенности, субъективной у каждого. По этим качествам "искомой власти" она должна быть народной", - писал Розанов еще в 1905 г. в статье "Среди анархии" и мог бы повторить слова недавнего прошлого и через 12 лет.

Но в 1917 году Розанов с горечью сознавал, что спасение национальной и государственной жизни России остается неосуществленной задачей революции. "Мы впали в русскую мечтательность, в русскую бездельность. Совершенно забыв, что за сегодняшним днем следует еще очень много дней, что открывается целая русская история - мы в один год и даже всего в два месяца столпили все вопросы бытия своего, начав пуговицами, которые солдату, как освободителю от тирании, можно отныне и не застегивать, и кончая призывом всех народов к совершению у себя по нашему образцу - тоже революций, да еще каких социал-демократических. И задохлись в этом множестве дел, хлопот, забот, в этой всемерной тяге, которую приняли на себя. Русского дела мы не исполнили. Но и всемирного дела мы, конечно, тоже не исполним. Мы просто, по русской сказке, вернемся к старому корыту".

Безвластие Временного Правительства на фоне торжества принципа анархии и угроза неизбежного перерождения анархии в варварский деспотизм - вот новая нота, тревожно звучащая в статьях Розанова в "Новом Времени". Зловещий облик грядущего диктатора явственно предстает перед духовным взором писателя... Обращаясь к русским людям, Розанов в отчаянии восклицает: "Неужели же вы

хотите, чтобы появился марксистский Кромвель или марксистский Наполеон, который напомнил бы Фердинанда VIII из "Записок сумасшедшего": но владея уже миллионами штыков и десятками миллионов рабочих, командуя ими, повелевая ими конечно совершил бы над планетой тот Страшный Суд, о котором лучше не вспоминать".

Розанов предугадывал: роковая роль, роль великого отрицателя России предназначена именно "пломбированному господину, выкинутому Германией на наш берег". Ибо "Ленин отрицает Россию. Он не только отрицает русскую республику, но и самую Россию. И народа он не признает. А признает одни классы и сословия... Народа он не видит и не хочет... Ленин обращает Россию в дикое состояние. Он очень хитер и идет против народа, хотя кричит, что стоит за народ. В его хитрости и наглom вранье надо разобраться. Должны разобраться, что он отнимает всякую честь у России и всякое достоинство у русских людей, смешивая их с животными".

Не разобрались и не услышали предостережений Розанова, ибо даже "Новое Время" не решилось напечатать статью Розанова "К положению момента" летом 1917 года.

Вопреки мнению Н. Бердяева, считавшего, что в силу "женственной пассивности" и недостатка мужественного духа Розанов всегда преклоняется "перед фактом, силой и историей", в октябре 1917 года Розанов не склонился перед колесницей временного победителя.

В наши дни, когда, по предвидению Розанова, "здание с чертами ослиного в себе" (так В. В. Р. в "Уединенном" назвал мир торжествующего социализма) рушится и новая смута и анархия грозят окончательно поглотить Россию, статьи Розанова сохраняют животрепещущий интерес и приобретают новое поистине трагическое звучание.

Два слова о книге "Черный огонь". Незадолго до смерти В. В. Розанов наметил план издания своих книг. По этому плану (см. приложение), сохранившемуся в архиве друга и исследователя творчества В. В. Розанова - С. А. Цветкова - статьи о революции составили бы том 35 (!) собрания сочинений, и войти в него должны были две книги - "Когда начальство ушло" и "Черный огонь". Статьи, которые Розанов предполагал включить в сборник "Черный огонь", найдены в копиях среди бумаг Т. В. Розановой. Часть из них была напечатана в "Новом Времени" в 1917 г., другие были отвергнуты редакцией. Ряд статей Розанов печатал под псевдонимами, а некоторые существуют только в отрывках, которые тоже воспроизведены в настоящем издании.

А. Н. Богословский

ОТ ПРОВОКАЦИИ АЗЕФА ДО ДЕКЛАРАЦИИ МИЛЮКОВА.

ОТЧЕГО "ЛЕВЫЕ" ПОБЕЖДАЮТ ЦЕНТР И "ПРАВЫХ"?

То есть не побеждают, но так явно идут к победе. Я думаю, половина России думает над этим вопросом. Отраженно думает о нем Европа. Я не объясняю, что под "центром" в ДУМЕ русской, парламентаризме русском и даже вообще в политике русской, следует разумеать и кадетов, и даже по преимуществу кадетов. "Центр" это всегда что-то большое, видное, значительное по объему и положению: как "корневик" в тройке. Он не всегда везет: но по положению и ожиданию он "обязан главным образом" везти экипаж или воз. "Кадеты" именно находятся в таком положении, и психологически они давно и единственно суть центр рус-

ской политики, и даже образованности русской, культуры русской. "Кадеты" - это "Вестник Европы": это "западничество" наше, это наша "образованность".

И совершенно так же, как в печати и в литературе, "левые" выбивают "кадетов" из этого центрального положения, и стремятся занять их место: это видное, громадное, "везущее воз" место.

Но отчего? отчего?

У "кадетов" ум, таланты, влияния, связи, начитанность. Я наблюдал в прошлое лето: если взять их лидера, проф. Петражицкого, и сравнить его с "трудовиками", то, конечно, все они, и с родителями и с детьми, не прочитали столько и не знают столько, сколько этот маленький, беленький, худенький профессор. Отчего же он и вся их модная, цветистая, красивая партия топая ногами "очищает залу" и уступает ее смазным сапогам, худым лицам, возбужденным взорам, отрывистой резкой речи? Отчего?

Что есть у левых? Ну, ум еще есть: но больше - решительно ничего. Сума за плечами или вроде этого - вот средства завоевания, инструмент побед.

Ничего нет... и они побеждают, как побеждали первые христиане древний мир, этот мир Горация и Пантеона, куртизанок и блеска, гражданского права и сложной цивилизации.

Только теперь, как это ни грустно сказать, в положении отступающего и побеждаемого - именно этот христианский мир, родившийся в катакомбах и затем родивший из себя громадную неизмеримую цивилизацию, около которой "апокалиптические царства" Кира, Навуходоносора и Нерона суть то же, что старые красивые и слабые фрегаты около стального броненосца. Пали, по Апокалипсису, те древние царства: но вот, по какому-то новому Апокалипсису, явно крушится и сам победитель, о котором в пророческой книге предречено, что он будет "царствовать вечно", что в нем "правда и закон", и вообще, что это "последнее", после чего ничего не нужно и ничего "не будет".

"Левые" суть начинатели какого-то нового мира. Об этом кажется даже поется в их аляповатых, грубоватых песенках, - грош ценою в смысле поэзии. И весь вопрос и заключается собственно в том: каким образом мог зародиться какой бы то ни было "новый мир" среди того "апокалиптического окончательного" мира, который именуется "христианством"? Как ему нашлось место? Где оно нашлось? В этом весь вопрос и пожалуй вся метафизика левого положения вещей.

Здесь мы должны будем произнести несколько еще более грустных слов, чем ранее. "Место" нашлось для "нового мира": ибо ничего из вековых жажд и ожиданий и нужд человечества не было утишено "благою вестью", вынесенной из катакомб.

Умираем - так же!

Болеем - так же!

Нефриты, раки, чахотка - все те же!

Тюрьмы - такие же! Нет, еще страшнее: разве древний мир изобретал что-нибудь [подобное] "одиночной камере" на 20 лет, этой холодной параллели огненного "ауто-да-фе" средних веков.

Тоска, голод, самоубийство, мор детей, унижение женщин, звание "проститутки" и желтый билет - что изменилось после Рождества Христова сравнительно с тем, что было до Рождества Христова?

Да, забыл... появились утешения!

Появилось успокоение!

Явился новый, неслыханный, небесный глагол: "претерпите"!

- "Блаженны нищие"...

- "Блаженны гонимые"...

"Блаженным" осталось только улыбаться на утешение... в каменных тюрьмах, в больницах для сифилитичных и видя, как дитя задыхается в скарлатине и нет рубля, чтобы позвать доктора.

"Блаженные" ежились, корчились, делали улыбку, глотая слезы... и не выдержали.

- Позвольте: отец христианского мира, папа Бонифаций VIII, получив пощечину от римского патриция Колонна, вошедшего во дворец его с победителями французами, - умер от обиды и бессильного негодования. Отчего же он не "претерпел по образцу Голгофского Страдальца", как указывает нам, людям, толпе, мученикам рода человеческого?

Мы за тумачом даже не гонимся: такая малость! У нас дети умирают в скарлатине - это больше! Почему же мы, слабые, маленькие, обязаны "терпеть по примеру Голгофского Страдальца", когда сильные учителя наши, древние и новые, не могут и никогда не могли вынести даже простой обиды и неповиновения, умирая от первой, а на вторые отвечая тюрьмой и огнем? И, наконец, Сам Голгофский Страдалец правда умер безгрешный: но ведь смертью Он победил мир, купил его, завоевал его. "Царство Христово", "христианский мир"... мы-то, с чахоткой, раком, нефритами, какое "царство" основываем и "что" побеждаем? Цену видим она безмерна. Награды никакой. Да вот разве что батюшки "с нами", "за нас", "благословляют нас на страдание" и обещают за него "награду на том свете". Но они не "на том свете", а на этом ходят в золотых ризах, облачаются, как иконы, имеют честь, славу и поклонение, просят жалования: отчего мы и для нас отложено все до "того света"? За требу мы платим "на сем свете". Нельзя сказать попу: уплачу, батюшка, за крестины на том свете - теперь не при деньгах. Отчего все получают "на сем свете" и Сам Христос получил царство, вот этот "христианский мир", тоже на сем свете - в виде католической Франции, православной России, протестантской Германии: только одни мы, страдальцы, работники, больные, зараженные, голодные, "будем получать там"... "За расчетом приходите позднее"... Странно: при таком расчете работники ропщут на дворе фабрики. Так то - фабрика, явная ложь и притеснение. Но ведь это - церковь, религия, ведь мы у учителей такого учения руки целуем, под благословение к ним подходим, шаг в жизни не делаем без их благословения и нам это запрещено: как же тут-то "расчет позднее", когда все решительно и они сами требуют расчета здесь, требуют его честью, славой, поклонением и наконец просто деньгами.

- Да и что нового в слове: "потерпите"? Не то же ли говорит доктор у постели больного, когда не может помочь? Так это "не может помочь" не удивительно у доктора, земного человека, обыкновенного смертного: а ведь "потерпите" нам будто бы принесен бессмертный глагол, небесное слово. Да и доктор, "наш брат", скажет это неутешительное "потерпите" после громадных усилий, какие он сделает у постели больного: тогда как у "не нашего брата" не видно и самых этих усилий. Просто - мы "брошенная вещь", которая должна претерпеть в состоянии этой "брошенности" и даже, как кажется, от самой этой "брошенности".

- Наконец, что необыкновенного в этом "претерпите". Эту философию изобрел и язычник Диоген. На вековые задачи человечества о "приобретении" приобретении богатства, чести, власти, положения и проч., - он указал человечеству боковую дверь: вот эту свою бочку, в которую залезши и греясь на солнышке, кстати, очень хорошо греющем в Элладе, - можно не завидовать ни царям, ни завоевателям. "Приобрести все" можно "покоривши все"; но можно этой же цели достигнуть и "дав задний ход": отказавшись от всего.

Сирийские монахи и анахореты Индии только повторили эту философию раннего эллинского анархиста, точнее - шли по пути, параллельному с его бочкой.

*

* *

Христианство не принесло на землю никаких существенностей. "Существенно" человеку не сидеть в тюрьме, а не то, чтобы слышать разные утешения, сидя в тюрьме; быть не голодным, а не то, чтобы читать о "бедном Лазаре" в утешение всем голодающим. Суть в том, чтобы не хворать: но никакой "сути" нет в том, как покойному расчешут волосы, оденут и "охорошат" его. Христианство все "охорашивало". Не целая ран, оно к ним привязало прекрасные слова, возвышенные поучения, поэтические сравнения. Только.

И ко всему этому стал человек равнодушен.

И стал он оглядываться: кто же, что же принесет ему "существенность"?

И стал он искать, говоря теперешним демократическим языком, "своих средств" в поборении "существенностей", "существенных" ран мира, не залеченных христианством, а только напудренных им.

- Не стоните.

- Не плачьте.

- Не скрежещите зубами.

- И вам всем будет казаться, что вы не болеете... Слишком легко лечение... Появилась наука: по-видимому холодная, абстрактная, бездушная в первых шагах своих, в начальных азах своих; но по мере того, как эти "азы" начали сливаться в осмысленную речь, - из нее повеяло добротой, великодушием, заботой. Статистика - да, это голые цифры, счет фактов; политическая экономия - свод законов, подмеченных наблюдателями хозяйственной жизни. Но и политическая экономия, и статистика - в руках "доброго человека", этого страдальца, который решил прибегнуть к "своим средствам". Страдалец направил свою науку на свои раны; это уже естественно. Вместо утешения через рассказ о том, что когда-то пять тысяч человек были напитаны пятью хлебами, явилась земная агрономия, которая из куска земли [, - который] не может пропитать и пяти человек, научила собирать хлеба столько, сколько нужно десяти тысячам человек.

Осушила болота; выучила травосеянию; придумала плуг; научила системам земледелия: в общем итоге дала столько, сколько не дано было хлеба во всех чудотворных рассказах всех религий.

Как медики вылечили столько болезней, сколько не произвели исцелений чудотворцы тоже во всех религиях.

И так все просто! "Свои люди", - не ломаются, не требуют, чтобы у них "целовали руку" за исцеление: а просто берут три рубля, детишкам с женою на обед, труд за труд и облегчение за облегчение. "Взаимное облегчение" - вот что такое

деньги и плата. Совсем не "грешная вещь", а почти что святая. Да и такие добрые: конечно - берут, когда дают или удобно взять; но во множестве случаев, вот от "убогих-то Лазарей", не только что ничего не берут, но еще кладут под подушку больному рубль на лекарство. И лекарство помогает, и дети благодарят за больную мать, - а доктор машет рукой, крича: "некогда! иду к другому - еще тяжелее болен"!

И ни малейшей тенденции одеться, "как икона", - чтобы вот эти "ризы", и дым фимиама, и поклонения, и лобзания рук... Ибо ведь не малейшей нет возможности отвергнуть, что за свои "прекрасные слова" духовенство всех стран потребовало себе поклонения; поклонения и даже коленопреклонения... Этого отвергнуть невозможно, это очевидно: и суть всех служб церковных конечно не в том, что мы молимся Богу, что можно хорошо делать и дома, а вот что - среди фимиамов и зажженных свеч движется фигура священника "в ризе", которая золотистым или серебристым видом своим так сливается, подобиется "ризам" на иконах: на которых, впрочем, изображены старцы же, иереи, архиереи веков минувших и стран дальних, "наши предшественники"...

Род и поколения духовного родства, духовной преемственности, духовных предков.

Как в языческом мире поклонялись "предкам" физическим, физиологическим.

Но суть поклонения - одна.

*

* *

"Левое" направление цивилизации, которое имеет в политике только более осязательное выражение, а у нас в России получило теперь наиболее сильный толчок - есть более всего перемена методов суждения и методов действия: на место прежних религиозных становятся научные, на место "полученных с неба" становятся "свои"...

Вот и только!

Но как необъятен этот переворот: он гораздо больше, чем когда "религия сменяла религию", напр. "язычество" сменялось "христианством".

Поэтому на этом перевороте сходятся евреи и русские, он ласкает и манит татарина; он - всемирный, как всемирная наука, наукообразность, "самонадеянность" в страданиях пострадавшего человечества, которая составляет душу всего.

И идут сюда латыш, грузин, поляк - подавая руку, все спрашивая: "где земский врач: у меня захворал ребенок".

И идет земский врач, может быть жид, говоря: "мне не надо, латыш он или русский: у него колики в животе; пусть пьет ромашку, в нее капля опиума, а на живот согревающий компресс. За это мне дайте рубль, - я на него куплю книгу, где еще больше прочитаю о болезнях".

Удобно!

Просто!

Не "божественно": но как добро, необходимо, целительно. Это "существенности": нельзя оспорить, что новые методы суждения и новые методы действия принесли на землю уже "существенности", тогда как прежде все были хотя и божественные, но однако "слова"...